

КОНЦЕПЦИИ И СИСТЕМЫ

САМОЗАЩИТА КУЛЬТУРЫ¹ (ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ)

Куц В. А.
Самозащита культуры
(Главы из книги)
17 – 47

Шустова И. Ю.
«Метод взрыва»
А. С. Макаренко: современное
прочтение и использование
48 – 54

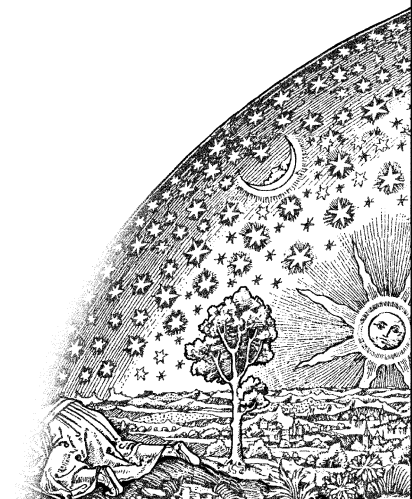
В. А. КУЦ

Редакция журнала с разрешения автора публикует в этом и ближайших номерах журнала главы из актуальной на сегодня книги В. Куца «Самозащита культуры», где целостность традиционной русской культуры рассматривается через русский кулачный бой. Это совершенно неизвестное современникам явление раскрывается через игры, песни, частушки, музыку, пляску, язык, театр, целительство. Автор — доктор культурологии, кандидат технических наук — объясняет основные принципы самозащиты и сохранения традиционной русской культуры, остававшейся устойчивой более тысячи лет, и демонстрирует новые, ориентированные на современность, средства и способы ознакомления, изучения и освоения традиционной культуры.

И простые смертные и известнейшие учёные сходятся в том, что есть связь между главной целью современного человечества — преодолением общего кризиса — и традиционным культурным наследием. Причём эта связь сохранится и, может быть, даже усилится после преодоления кризиса. И сейчас, и в будущем обращение к традиционному культурному наследию народа останется важнейшим фактором формирования и развития субъекта, эффективного достижения и сохранения счастья, как себя самого, так и тех, кто нам дорог. Вот только как обращаться к тому, чего вокруг нас уже почти нет? Старые средства и способы «обращения» в современности отсутствуют. Мы просто живём в другое время. И всё-таки можно погрузиться на почти «виртуальную» глубину, которую так трудно найти.

Только нужен новый вход, новая дверь, чтобы войти в соприкосновение с различными сторонами культурного наследия русского народа. Эти входы и двери являются новыми только для современников, а для наших предков они были естественными и простыми.

¹ Куц В. Самозащита культуры. — М.: Народное образование, 2005. — 320 с.

Разные стороны культурного наследия русского народа настолько яркие, самобытные, эмоционально притягательные и практически полезные, что при мало-мальски детальном ознакомлении с любой из них одна сторона в субъективном восприятии может заслонить остальные. Это достоинство многовекового высокоразвитого культурного наследия может обернуться его недостатком, уводя в сторону от понимания цельности, системности традиционной культуры в целом, а тем более от системного освоения оставленного нам наследия. Действительно: игры, пляски, песни и частушки, язык, народный театр, целительство, архитектура, кулачный бой, применение в бою подручных средств, превращающихся при этом в оружие, — каждый из этих разделов наследия традиционной культуры способен захватить человека целиком и без остатка. Чтобы за деревьями не потерялся лес, необходим переход от самых ярких частных к системному их объединению для получения столь необходимых сегодня средств и методов преодоления кризиса и открытия более надёжных путей достижения, сохранения и увеличения счастья.

Помня об этих главных целях, начинать нужно всё-таки с фактов, с конкретных их особенностей, апеллируя прежде всего к чувствам, эмоциям, ассоциациям — ко всему тому в подсознании человека, что открывает ему возможности быстрого освоения и эффективного использования под контролем сознания тех ценностей, которые создали, сберегли и оставили для нас предки.

Поэтому вначале, именно в этой книге, мы обращаемся к традиционному культурному наследию русского народа, к обычаям и традициям как формам передачи и к некоторым новым подходам эффективного системного освоения. Казалось бы, что нового можно сказать о нашем традиционном культурном наследии, которое сосредоточено в многочисленных предметах и свидетельствах миллиардов предметов старины, собранных в сотнях музеев и частных коллекциях или валяющихся на чердаках, антресолях и сундуках, в десятках миллионов книг, тысячах и тысячах памятников и т. д., и т. п.?.. Новым будет рассмотрение в несколько необычном ракурсе формы передачи этого наследия, а конкретнее, новые формы ознакомления, изучения, а затем и освоения, «делания» этого наследия своим, т. е. вашим. Культура любого субъекта от индивида до народа в целом является результатом освоения культурного наследия и создания новых средств и способов интеллектуального взаимодействия со средой. Здесь и теперь наша задача — *ознакомиться* с вышеупомянутым наследием с целью его изучения и освоения.

Беда в том, что большая часть нашего народа почти *не знакома* с ним, не знакома не вообще с культурным наследием, а с той поистине огромной его частью нашей истории, которую почему-то сейчас называют малым культурным наследием или, несколько искажая смысл, малой традицией, т. е. именно с тем, что создано простым народом, составляющим подавляющую часть всего населения. Так вот эта подавляющая часть и этот пласт отсечён сейчас от того, что было создано такими же, как она, её многочисленными предками. На что же она опирается в обретении тех высших смыслов, которыми живёт человек? На «большое» культурное наследие — произведения отечественных классиков — с ними положение чуть лучше, их хотя бы, пусть и с переменным успехом, но преподают в школах. К подлинным «незнакомкам» в России отношение особое — они призрачны, неуловимы, завуалированы и даже траурны. Их видеть и вдохновляться ими могут немногие, а в начале это дано лишь «ясновидящим» — великим подвижникам, поэтам, музыкантам, художникам. Но воздействуют они на глубинные слои подсознательного, пропитывая всего человека той неиссякаемой энергией, без которой жизнь становится не в жизнь. Но как же познакомиться с «незнакомкой», что надо сделать для того, чтобы она приподняла свою вуаль и для многих стала видимой её ненаглядная красота? Ведь подлинная красота не всеми видима, не всеми ценима. Как правильно оценить её?

Подход к «незнакомке» или «малому» культурному наследию возможен такой же, как и подход к бабушкиному наследству — совершенно неожиданно привалившему бо-гатству. Кто не мечтал о таком? Сначала вы непременно пожелаете ознакомиться с ним и только после серьёзного изучения приступите к освоению, а затем и к использо-ванию для достижения тех или иных ваших сегодняшних целей. Любой понимает, что наследство даёт ему возможность существенно изменить жизнь в лучшую сторону — это и придаёт ему ценность.

Между наследием и наследством есть разница: ценность бабушкиного наследства понятна всем без исключения, а вот о ценности «бабушкиного» наследия можно и по-спорить. Исход спора зависит от того, для достижения каких именно целей и насколько эффективно способен это наследство использовать тот или иной участник спора. К со-жалению, подавляющая часть нашего народа пока не видит особой ценности в «бабуш-кином» наследии, а некоторые так и стыдятся его. Связано это с недостаточной осво-енностью данного наследия и с недостаточной готовностью активно применять его для достижения собственных целей — как сегодняшних, так и перспективных.

Итак, первая цель знакомства с «бабушкиным» наследием — это правильная оценка его. И лишь только для тех, кто оценит это наследие по достоинству, открываются все двери к его творческому освоению, т. е. к «деланию» его своим собственным, а значит, к собственной культуре.

Эффективность освоения и даже знакомства повышается, если имеется какой-то си-стемообразующий фактор, вокруг которого строится вся дальнейшая работа. Главным таким фактором в традиционном обществе была религия. И долгое время она с этой своей задачей в основном справлялась. К сожалению, для большей части нашего на-рода действенность религии до трагичного упала. Вместе с упадком авторитета религии неизбежно падает ориентация человека на общий, высший смысл его собственной жиз-ни, падает приверженность наиболее достойным принципам воплощения этого смысла в повседневной текущей деятельности, размываются охранительные границы запретов, нарушение которых ведёт к повороту от прогресса к регрессу социальных систем. Про-стой возврат к былому невозможен. И даже, если бы он был возможен, в изменившихся условиях былого недостаточно. Необходимо продвижение вперёд — выход на новый уровень, в том числе и на новый уровень религиозности.

Помимо системообразующих факторов большую роль играют факторы, *сохраняющие* систему. Есть соответствующий специфический фактор сохранения культуры как це-лостной системы, который, безусловно, действовал и в традиционном обществе, но его роль была отнюдь не первичной, даже завуалированной. И если религия действовала как системообразующий центр традиционной культуры, то этот фактор, скорее, является её периферией, границей, защитной оболочкой.

Применительно к культуре того или иного конкретного народа — это всё то, что в первую очередь относится к защите данной культуры и её носителей. Другими сло-вами — это «боевые подсистемы» данной культуры, с помощью которых она защищает себя, поддерживает свою самоидентичность и даже влияет на другие смежные культуры и их носителей.

На первое место эти защитные или боевые подсистемы выходят в трудные для куль-туры времена. Они подобны антителам в живом организме, препятствующим проникно-вению и развитию в нём любых чужеродных субстанций, нарушающих его нормальное функционирование. Сейчас наша культура больна, у неё что-то вроде СПИДа, т. е. явный недостаток своих собственных антител, способных эффективно бороться с явления-ми антикультуры, масскультуры. Даже религия не пренебрегает «боевыми» формами. Вспомним хотя бы изречение Иисуса Христа: «Не мир, но меч принёс я вам», или выра-жение «воинство Христово».

Применительно к культуре в целом одним из системосохраняющих факторов у многих народов выработаны и развиты в веках оригинальные системы боевого искусства, своего рода подсистемы в общей системе культуры.

Для русского народа такой подсистемой являлся русский кулачный бой. Он является уже не столько бабушкиным, сколько дедушкиным наследием. Помимо своей системосохраняющей по отношению к народной культуре роли, русский кулачный бой был также основанием профессионального русского боевого искусства.

Эти бывшие основания важны сегодня не только для понимания прошлого, но и как основания для продолжения развития в будущем — в новых формах, в сочетании с новыми сущностями, с выходом на качественно новый уровень системы самозащиты в будущих не полностью прогнозируемых ситуациях.

Мало кто ныне имеет системное представление о русском кулачном бое. Многие и не слышали о нём, а тем более не видели. А как известно, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Но даже если вы видели выступления по русскому кулачному бою, то мимолётное, скоротечное впечатление от отдельных приёмов вряд ли помогло вам понять его сущность.

Как же сделать представление устойчивым, многосторонним, сущностным? Вспомним, что делает ребёнок, когда знакомится с новой игрушкой. Он вертит её перед глазами, прищуривая или широко раскрывая их, поворачивает под различными углами, приближает и удаляет, выносит на свет или наоборот в темноту, постукивает, поглаживает, бросает и поднимает, обнюхивает и пробует на вкус. При этом на игрушке остаются следы его зубов, ногтей, по которым он узнаёт эту игрушку из тысяч таких же. Ребёнок, знакомясь с игрушкой, осваивает её и метит иногда одному ему знакомыми метками. И именно эта игрушка становится для него родной, сверхценной, нагруженной какими-то особенными, только ему понятными смыслами, она будит его чувственно-эмоциональные реакции и не может быть безболезненно заменена на такую же новую, даже лучшую. Итак, вначале чувственно-эмоциональное познание. А что дальше? А дальше, если любопытство так и не удовлетворено, дитя пытается узнать «а что там у неё внутри?», пытается сломать «игрушку». Это попытка формально-логического анализа. Вот такое единство чувственно-эмоционального и формально логического подхода и делает представление устойчивым, многосторонним, сущностным.

Подход к традиционной культуре в этой книге чем-то похож на подход ребёнка. Традиционная культура рассматривается через призму кулачного боя под различными углами, на разных расстояниях, вся вместе и каждая компонента в отдельности, воспринимается различными органами чувств, пробуются на зубок, и проверяется на прочность.

Данная книга — это система традиционных «зеркал». Каждое такое «зеркало» — это часть традиционного культурного наследия, в котором отражается русский кулачный бой. И каждое такое «зеркало» отражает по-своему, по особенному. Такими «зеркалами» являются игра, язык телодвижений, пляска, музыка, словесность, жилище, театр, целительство и многое другое.

То, что мы видим в зеркале, зависит от двух причин: объективно от качества самого зеркала и субъективно от качества зрения смотрящего. Качество самого зеркала определяется его отражающей поверхностью, отсутствием трещин, шероховатостей, искривлений. Автор в меру своих сил постарался отшлифовать шероховатости и выпрямить неровности «зеркал».

Читатель является смотрящим. Что он «увидит» в конкретном «зеркале» — зависит от угла и «остроты» его зрения. Под «остротой зрения» здесь понимается владение той частью культуры, которую символизирует данное зеркало. Полнота восприятия читателем глав-зеркал — это мера освоения им нашей культуры. Пусть же каждый выберет

и возьмёт по своим потребностям и способностям с учётом, разумеется, собственных желаний и вкусов.

Читателю предлагается стать вновь ребёнком и вырасти хотя бы мысленно заново, но не в ставших до банальности привычных условиях современности, а в обществе традиционной русской культуры. В этом путешествии во времени вашим постоянным спутником и «гидом-переводчиком», поддерживающим постоянный интерес и обращающим внимание на наиболее значимое, будет русский кулачный бой.

Являясь системосохраняющим фактором, кулачный бой при ознакомлении, изучении и освоении традиционной культуры может стать и системообразующим фактором. Такие трансформации не только возможны, но иногда совершаются сами собой, показывая пример создания самоорганизующейся системы, спонтанно возникающей в интеллекте человека.

Русский кулачный бой — это один из ключей, которым молодые люди — наши современники, видимо, ещё могут открыть кладовые традиционной культуры.

Почему из всей традиционной культуры мы выделили кулачный бой, а не какой-то другой её элемент?

Во-первых, потому что **русский кулачный бой — это наименее изученный элемент нашего культурного наследия** в отличие от игр, пляски, музыки, вокала, архитектуры, народного театра, целительства, которым посвящены сотни исследований и капитальных трудов, а значит, любое его исследование сразу становится заметно и начинает влиять на нашу повседневность. Чуть ли не половина мужчин в тот или иной период своей жизни занимаются изучением и практическим освоением боевых и спортивных стилей, но лишь единицы и доли процентов изучают традиционную культуру. Если хотя бы часть из этой половины начнёт знакомиться с традиционной системой самозащиты — русским кулачным боем, то тем самым они подключатся и к изучению традиционного наследия.

Во-вторых, потому, что **кулачный бой строится на тех же принципах, как и вся наша традиционная культура**, он плоть от плоти, кровь от крови её.

В-третьих, потому что **кулачный бой является составляющей мужской традиции**, которая всегда разрушается быстрее, чем женская, причём **такой составляющей, которая, как никакая другая, является показателем мужественности народа**. Мужчины строже и формальнее мыслят, нежели женщины, но ещё строже и формальнее компьютерная переработка информации. Превосходство мужчины как человека перед компьютером создаётся выходом за ограниченные рамки формального и привлечения чувственно-эмоциональной сферы интеллекта, которой компьютер пока не обладает, хотя «знает» много и обрабатывает информацию быстро. Но ещё больше, чем у мужчин, неформальное мышление и чувственно-эмоциональная сфера интеллекта развита у женщин. Поэтому перспективы возвышения интеллекта человечества связаны в значительной мере с женщинами. Кулачный бой и традиционная культура должны помочь мужчинам не отстать от женщин в гармонизации интеллекта.

Многим юношам (но не только им) «боевое» знакомство с культурным наследием — это единственная возможность осознания его ценности. Такое знакомство в этой книге носит несколько эпический характер. Вспомним встречи былинных богатырей: вначале бой — затем братание. Известная любому школьнику повесть Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» также начинается эпически: через бой и именно кулачный, который заканчивается «братанием»: «Ну, здорово, сынку! почеломкаемся! — И отец с сыном стали целоваться». Дружба, пронесённая через все невзгоды, например, через войну, считается настоящей. А о плохом человеке говорят, что с ним в бой или разведку вместе бы не пошли. Дети, подравшиеся при первой встрече, часто становятся закадычными друзьями. Если после такого «боевого» знакомства вы «побратаетесь» с «противником», то сюжет будет эпическим завершённым.

Боевое искусство Руси вообще и кулачный бой, в частности, нельзя оценивать в отрыве от остальной культуры. Оценка будет плоской, одномерной, однобокой. Для Руси характерна огромная взаимосвязанность явлений, которая частично утеряна другими народами.

У большинства народов, создавших и развивших свои оригинальные боевые системы во всех серьёзных школах обучения боевым искусствам обязательно рассматривают религиозные, мифические, философские, исторические корни описываемых систем. Как правило, этим рассмотрение взаимосвязей с системой культуры народа дело и ограничивается.

Наша задача состоит не в том, чтобы доказать превосходство русского кулачного боя над боевыми искусствами иных народов, а в том, чтобы показать необходимость отечественного боевого искусства для народа, его создавшего, во все времена, несмотря на изменение условий. Качество «лучшесть» системы рукопашного боя определяется не соревнованиями, и тем более не кинофильмами, а тем положительным влиянием, которое она оказывает на всю остальную культуру данного народа в целом и на конкретного индивида, интеллект и культура которого приобретают более высокую гармонию по ходу его занятий этой системой. Действенность этой связи многократно проверена на участниках реально существующих групп кулачного боя. Если боевая система веками поддерживает устойчивость, потенциал социальной системы и эффективность его использования, обеспечивая воспроизводимость культуры в новых поколениях, то именно она для данной социальной системы и есть наилучшая.

Формы и принципы передачи культурного наследия

*Никогда не скажу, что не надо задаваться исканиями,
но жаль, когда в погоне за новым утрачивается
то драгоценное, что было в старом.*
Кн. С. Волконский

*Привычка свыше нам дана.
Замена счастью она.*
А. С. Пушкин

*Не зная своих традиций,
вы не поймёте традиций других.*
Д. Сearл

[5 - 16]
Методология
воспитания

22

Отношение к старине у нас двоякое. С одной стороны, высшей оценкой предмета или действия являются выражения типа «старинного закалу» или «тряхнуть стариной». С другой стороны, старина связывается с чем-то отжившим свой век, ветхим, замшелым, костным. Старина связана с традицией, слова «традиция», «традиционный» являются ключевыми ко всему последующему тексту и повторяются в нём более тысячи раз. Значение этих слов широки. Например, под традиционной медициной сейчас понимается современная академическая медицина, а та, которая была сотни лет назад, считается нетрадиционной. Поэтому уточним, что мы понимаем под традицией. Вот как её определяет В. И. Даль: «Традиция — *преданье*, всё, что устно *перешло от одного поколения на другое*», а вот более позднее определение С. И. Ожегова: «Традиция — то, что *перешло от одного поколения к другому*, что унаследовано от предшествующих поколений (напр. *идеи, взгляды, вкусы, образ действий, обычаи*)». Почти совпадающей частью определений, отстоящих друг от друга во времени более чем на сто лет, является **«перешло от одного поколения на другое»**. Итак, поколения связываются через то,

что «перешло». *Как происходит этот переход? Что переходит, а что нет? Сколько может перейти? Какими способами осуществляется переход? Почему он нарушился и привёл к «разрыву поколений»? Как соединить поколения? Как вновь запустить «механизм» традиции?*

Конечно, «окончательных» ответов на все эти вопросы нет, но общий ход решения намечен специалистами в области традиции. Вот, что пишет в книге «Язык, знак, культура» М. К. Петров: *«Есть лишь один возможный претендент на роль социального гена, социальной наследственной сущности — **знак** в его способности фиксировать и неопределённо долго хранить значение. Знак и язык совечны обществу, но если язык в основном наборе функциональных нагрузок выступает как средство общения, то знак, как правило, оказывается носителем смысла и основанием его преемственного изменения, результатом, адресом и поводом общения. Если социальное наследование определено через внебиологическое кодирование наличной суммы обстоятельств и передачу программирующей информации средствами общения, то контакт поколений, уподобление последующего поколения предшествующему возможны лишь при опосредовании этого контакта знаком... Основные претензии, которые традиция могла бы предъявить к европейской системе образования-трансляции, это, во-первых, *ужасающая избыточность и неэффективность процесса*, когда головы подрастающего поколения начиняют знаниями, подавляющая часть которых никогда не пригодится в жизни и будет забыта в период активной деятельности, и, во-вторых, *явно некачественный и варварский в методологическом отношении характер процесса обучения, который затрагивает в основном голову человека, не переводя знание в практические навыки*, а тем самым не используя навыкообразующие потенции человеческого мозга, способного отправлять освоенные навыки в подкорку автоматизмов и освобождать память для новых знаний... Оценивая наши специализированные навыки на их сложность, качество, на соотношение в них ментального и физического, на степень поглощения вместимости индивида, традиция пришла бы к безрадостным выводам о примитивности подавляющего большинства наших навыков, о безграмотном их фрагментировании с точки зрения психофизиологических норм жизнеотправлений человека... Наша культура представилась бы ей второсортной, недоразвитой, инфантильной, которая в силу каких-то причин, возможно, из-за биологической ущербности индивидов, не в состоянии подняться выше использования самых элементарных навыков».*

Итак, основные «претензии» традиции к современности: *избыточность, неэффективность, некачественный характер обучения*, который затрагивает в основном голову человека, т. е. сознательную формально-логическую часть интеллекта, в то время как знак, являющийся главным звеном в контакте поколений, в основном воспринимается подсознательной чувственно-эмоциональной частью. **Почти убрав из процесса обучения знак, современность разорвала контакт поколений.**

Именно поэтому огромное внимание уделяется всем составляющим традиционной культуры, которые несут в себе знаковые сущности: музыке, танцу, слову, архитектуре, театру, целительству и т. д. *Современность свела всю ретрансляцию знаний к одному типу знака — слову, в большей степени в письменной форме. Традиция осуществляла ретрансляцию через всю систему культуры.*

Вначале определим традицию через знак. *Традиция как путь сохранения и передачи — это неосознанно освоенные алгоритмы шифровки и расшифровки знака путём использования преимущественно чувственно-эмоциональных структур интеллекта.*

Алгоритм задавался средой обитания и системой социальных взаимодействий. Что сохранялось и передавалось? — *Образцы целеполагания, действий, результатов,*

проверенные практикой и наиболее важные для обеспечения устойчивости и прогресса социальных систем, но сложные для формально-логического понимания и для надёжной передачи на формально-логическом уровне.

Современность перешла на другой тип ретрансляции. В основном он нацелен не на целеполагание, действия и результаты, а на овладение средствами и способами. Для этого используется другой тип знаков — словесно-математический, предназначенный для восприятия сознательной формально-логической частью интеллекта. Но средства и способы достижения намеченного результата меняются несколько раз за жизнь одного поколения. Поэтому только на одной форме ретрансляционного знака — слове (или его редуцированном заменителе — математическом знаке) — не сохранить связь поколений, не сохранить традиции. Упор только на слово обязательно приводит к нарушению законов социального импринтинга, говорящих о том, что способности к формированию определённых свойств человека активизируются в строго заданные периоды и почти навсегда закрываются по истечении этих периодов, а восприятие через слово доминирует лишь у взрослого современного человека.

Главной объективной причиной разрыва поколений специалисты считают возросшую и всё возрастающую «скорость жизни», или другими словами, полную смену информационного обеспечения почти любой профессии (иногда несколько раз) за жизнь одного поколения. В рамках существующей системы образования, направленной только «на голову» человека, этот аргумент неотразим. Но если выйти за эти рамки, то решение есть, причём такое, которое уже неоднократно было апробировано в ходе общечеловеческой и отечественной истории. Поколения необходимо связывать не на информационном уровне, а на чувственно-эмоциональном, подсознательном, духовном. В подсознании записаны цели и программы действий по их реализации. Цели поколений должны совпадать, а информационное обеспечение отличаться, естественно, в пользу молодого поколения.

Дадим ещё одно определение традиции, содержащее некоторую конструктивную программу деятельности по устранению «разрыва поколений».

Традиция — это то, что перешло от одного поколения к другому путём воздействия преимущественно на чувственно-эмоциональную часть подсознания субъектов и закрепились в нём в качестве установок на повторение определённых алгоритмов выбора и способов достижения выбранного.

Установки на повторение определённых алгоритмов **выбора** и способов достижения **выбранного** имеют непосредственную связь со **свободой** человека. Полный набор возможных вариантов действий «записан» в подсознании человека. Сознание лишь выбирает наиболее подходящую к данному моменту и обстоятельствам возможность из всего их спектра, записанного в подсознании. Физически реализуемого, но «незаписанного» в подсознании, человек никогда делать не будет.

Отсутствие традиции неизбежно приведёт к тому, что большие группы людей (например, «отцы и дети», «славянофилы» и «западники») осуществят свой выбор по разному из-за большого отличия их менталитетов (традиционного и нетрадиционного) главным образом в подсознательной сфере. В результате устойчивое большинство не сформируется, а значит, так и не будет выработана стабильная стратегия поведения (для государства — политика). Стабильной может быть стратегия принятая и претворяемая в жизнь большинством. *Разрушение традиции наказуемо* — это болезнь этноса, подобная болезням органам воспроизведения у человека и животных. *Разрушение традиции* неминуемо приводит к войнам, тираниям и революциям. *Разрушение традиции в России в XX веке* лучшее подтверждение этому.

Стабильная стратегия — это стратегия наименьшего среднего риска, наименьших потерь, наименьшего греха. Поэтому столь важно бороться за каждого, поддерживающего

эту стратегию. Традиция — это способ формирования такого большинства, это способ формирования единства без потери индивидуальности каждого. Ныне нет согласия потому, что нет большинства. Нет большинства потому, что нет традиции, и «на лад их дело не пойдёт». Эволюционно стабильная стратегия, обеспеченная сохранением традиции, порождает большую свободу. Поэтому **необходимым условием свободы народа является бережное оберегание и сохранение традиции**. Наша история даёт многократные примеры разрушения традиции и одновременного уменьшения свободы народа. Как вновь обрести свободу? Первый шаг — *это изменение сознания на традиционной основе*.

Традиционное сознание — это синхронизированное и синхронизирующее сознание. Синхронизация позволяет большим группам людей в одно и то же время совершать один и тот же выбор.

Традиция — это средство поддержания и сохранения лучшего, которое было единым. Но сохраняется и поддерживается только то, что ценится. Поэтому главным принципом сохранения и поддержки является бережная оценка к прошлому, уважение к предшествующим поколениям. Формой передачи традиции является повтор. Многократные повторяющиеся действия дедов и отцов формировали алгоритм передачи знака, который воспринимался однозначно новым социализируемым через этот знак поколением. Каждое поколение приносило что-то своё, что-то новое. Поэтому эти знаки не только повторялись, но и изменялись. Далее происходил отбор таких изменений. Некоторые сохранялись, а некоторые отбрасывались. Сохранялись в основном однонаправленные изменения. *Последовательность в целом однонаправленных изменений системы называется развитием*. Поэтому происходило развитие традиционных форм, а вместе с тем и сохранение их. В общем случае сохранение возможно только через развитие.

Итак, чтобы возобновить связь поколений, укрепить семью, отразить наступление антикультуры на собственную культуру необходимо сначала осознать ценность традиции, изучить и освоить её, взять самое драгоценное и сохранить его через постоянное развитие.

Предлагаемый способ изучения, освоения, сохранения и развития традиции далеко выходит за пределы существующей системы образования, которую вернее называть системой обучения. И прежде всего эти **пределы расширяются благодаря гораздо большему использованию знака**, воздействующего на все составляющие интеллекта человека.

Одним из главных разрушающих факторов современности является снижение активности человека, его всё возрастающая пассивность. Традиция определяет основания человеческой активности. В этой книге предлагаются конкретные способы повышения человеческой активности, опирающейся на **самоорганизацию, самоконтроль и саморегуляцию, именно те «механизмы», которые обеспечивали самозащиту традиционной культуры**.

Задачей является не отыскание какого-то нового решения проблемы связи поколений, **а описание конкретных воплощений в нашей повседневности** тех общих решений, **которые уже найдены нашим народом за весь ход его исторического развития**.

Основные ориентиры русской культуры

Мы рассмотрим компоненты народной русской культуры, которые огромны по фактографической величине и по разнообразию формы и содержания. Приступая к рассмотрению огромных по фактографической величине и по разнообразию не только форм, но и сущностей компонентов культуры русского народа, необходимо устойчиво закрепить исходные ориентиры. Нам понадобятся исходные ориентиры — маяки в нашем

путешествии... По этим ориентирам можно разделять, обобщать, интегрировать, устанавливать связи между далёкими временами, текущим днём и будущим. Ранее говорилось о том, что культура выполняет роль оснастки интеллекта для повышения эффективности целенаправленной деятельности. Такими целями были прежде всего сохранение себя как кормильца семьи, опекуна детей и престарелых родителей, сохранение своей общности с односельчанами, с ближней и дальней роднёй и с тем, что в русском языке обозначалось словом Отечество. Отечество — это мой народ, породивший, сформировавший и взрастивший меня в единстве с природой, исполнившей для меня те же роли. Вот это единство людей и среды обитания — очень важный для жизни России фактор, и он задаёт один из ключевых подходов к пониманию и освоению традиционной русской культуры. Особенностью России была жизнь среди народов, не отделённых ни горами, ни морями, народов, с которыми можно или делиться, или биться, или подчиниться. Подчиняться Русь не хотела. Биться — периодически вынуждала неумная жадность различных соседей, а чтобы делиться, нужно было развиваться быстрее других, умножая достигнутое и создавая новое. Русь не имела колоний, не жила военной добычей. Основой жизни был труд на скудной земле в условиях суровой природы. Этот труд мог быть достаточно производительным только при условии высокой системности и устойчивости. А требования к творческому характеру и динамичности можно было выполнить только за счёт величайшего разнообразия компонентов культуры и не меньшего разнообразия используемых комбинаций из этих элементов при строгом сохранении системообразующего единства. И вот таким ориентиром системного единства была для русских людей религия. О русской религиозности, в частности, и о месте религии в человеческой культуре написано необъятно много, но большинство написанного тяготеет к одной из двух крайностей. Или описывается утешительная роль религии: «терпи и воздастся тебе» или устрашающе-сдерживающая: «Бог он всё видит, за всё спросит, за всё воздаст». Для России актуальной была третья позиция как дорога меж двух кюветов. Православное слово «смирение» призывало постоянно ориентироваться на достижение собственного гармоничного единства с миром, единство это постоянно нарушается изменениями в мире и тебе самом. Нельзя, однажды достигнув гармонии с миром, успокоиться, эту гармонию надо постоянно оберегать, повышать. Вот так оно и получается, что высшим ориентиром в жизни россиянина было повышение его гармонии с миром. Средством для этого был труд при обязательном требовании гармоничного взаимодополнения всех его видов и форм и *общим постоянным требованием было требование постоянного роста в способности и готовности ко всё более эффективной защите. Вот поэтому бой в русской культуре имеет совершенно особый смысл* в отличие от боя в культурах жителей других стран. Боевые искусства по направленности — это прежде всего защита, по влиянию на человека — интегратор различных его действий и проявляемых в этих действиях качества. Можно сказать, что *труд — это основание и стены башни, религия — это лестница к её вершине, а бой — это своего рода перила подъёма от основания к вершине, которые и держатся на этом основании.*

[5 - 16]
Методология
воспитания

26

Культура русского кулачного боя не была ориентирована на избранных, и тем более на профессионалов, она была ориентирована на всё мужское население, а для эффективного стимулирования мужчин разбираться в этом должны были и женщины. Вот так и образовалось это триединство ориентиров традиционной русской культуры — труд, религия и бой с целевой направленностью укреплять устойчивость, наращивать потенциал, повышать эффективность его применения, а вместе это и означает прогресс.

Ни одна страна мира, и уж современная Россия тем более, не только не имеет сегодня шансов одолеть преступность, алкоголизм, наркоманию, психические болезни,

психогенные заболевания, а даже просто остановить их рост. Средств у людей всё больше, всё больше доступно разнообразнейших способов их применения, но не достаёт устойчивой устремлённости к высшему, а без этой устойчивой устремлённости неизбежны метания от пресыщенности до паники. Не достаёт и надёжности «перил» и падают мечущиеся человеки, падают в разные стороны, панически цепляясь за что попало и разрушая мир вокруг себя. На этом фоне уместно вспомнить поразительное явление российской культуры, хранимый в народе образ кулачного бойца. **Обществу нужны не только действия кулачного бойца, обществу нужен образ кулачного бойца, образ защитника.**

Есть такое слово, которое чаще всего относят в распоряжение философов — сущность. Сущностью называется выделенная часть реального или мнимого мира или какой-то системы, значимая для субъекта с точки зрения достижения его целей. Однако в народе, даже среди людей, не касающихся философии, давно бытует сокращение этого слова — суть. «Говори по сути». И связь слова суть с потребностями достижения цели нередко отражается в замене выражения «суть» словом «дело». Тогда вместо «говорить по сути» выражаются: «говорить по делу». Целей, для которых может понадобиться одна и та же часть, выделенная из обширного мира, может быть много. И, как правило, бывает не одна. Ложка — это инструмент для еды, товар на продажу, проявление мастерства резчика по дереву, украшение праздничного стола, сувенир (расписные старорусские деревянные ложки). Это, наконец, инструмент участия в музыкальном сопровождении танца, пляски (русские ложечники). Это относится и к предметам, и к действиям. Удар молотобойца в кузнице — работа, удар по ореху с сохранением ядрышка — демонстрация ювелирной точности, удар по силомеру на аттракционах — развлечение. Если же соединяется вещественный предмет и его действие, да ещё на таком уровне, как человеческое действие, то вольно или невольно, сознательно или подсознательно он воспринимается одновременно во множестве жизненно важных контекстов, хотя бы важность их была очень различной. И в этом плане *традиционный русский кулачный бой не только участниками, а и зрителями (особенно зрителями) воспринимался во множестве контекстов одновременно*. Это и подтверждение наличия силы, необходимой для защиты семьи, рода, общины. Это и демонстрация здоровья, как основы продолжения рода, это и появление достойных результатов выучки (не обучения, а именно выучки), за которой и отдавали своих детей в обучение. Это и показ вступающим в жизнь новым поколениям, чего они могут и должны достигать. Это и гордость за результаты собственных усилий по подготовке собственной смены — так старые бойцы, глядя на кулачный бой, постоянно оживляли в памяти собственные молодецкие забавы и серьёзные ратные подвиги. Это и дополнительные основания для выбора женихов, да работников. Это, наконец, просто эстетически приятное и нравственно полезное зрелище, в отличие от роботизированного насилия, заполонившего сегодняшние «произведения искусства». Поэтому кулачного бойца в деле надо рассматривать с разных позиций: видеть всё происходящее его собственными глазами (ощущать его самоощущениями, оценивать его самооценками), а также видеть его самого глазами соратников да противников, глазами детей и подростков, глазами молодёжи да стариков. И всё это заключается в коротком выражении — русский кулачный бой, являющийся органичной частью традиционной русской культуры.

И, естественно, что отдельные черты русских кулачных бойцов в сопоставлении с прочими их человеческими качествами обобщались в собирательных образах, например, в знаменитой «Песне про купца Калашникова...» М. Ю. Лермонтова. И такой образ всегда передавался на определённом фоне обстановки, людей, других действий. Этот образ становился и обобщением, и оценкой этого обобщения, и моделью-эталоном для

формирования и выбора собственных будущих целей, и эмоциональным стимулом для достижения этих целей. Такой образ — это связь прошлого и будущего: прошлого опыта и будущих достижений.

В традиционном образе кулачного бойца не было места злобе, ненависти, презрению, не было и устремлённости к разрушению, уничтожению. В традиционной русской культуре образ кулачного бойца — это образ защитника — сильного, ловкого, умелого и оттого великодушного и заботливого. И в былинах богатыри не о своей победе думали, а о защите тех, кто стоял за их спинами. К этому надо добавить, что культура русского кулачного боя подразумевала завтрашнее дружеское сотрудничество в хозяйственных работах с сегодняшним «противником» по праздничному бою. Напомним, что публичные бои проводились по праздникам (дуэли аристократов носили скрытый характер) и составляли по времени малую толику от нелёгкого созидательного труда. И *стремление к совершенству не переходило в стремление к чемпионству. Совершенство меряется собой и своим прошлым, чемпионство — соотношением с другими претендентами.* (Если твой сосед слабее тебя по здоровью, то ты от этого здоровее не будешь. Но, если ты себя чувствуешь сегодня лучше, чем вчера — другое дело.)

Образ кулачного бойца — это образ не просто защитника, а близкого и родного защитника. Таких почти в любой крестьянской семье было с десяток. Никакой милиционер, никакой полицейский и близко не стоят к этому образу, хотя и они также являются защитниками. Они отделены, отчуждены от каждого из нас своей редкостью (относительно защитников — членов семьи) и тем, что вынуждены действовать по праву, а не по любви, как действуют члены семьи, рода, общины, братства. Практически каждый современный человек и его семья лишены мгновенной, сиюминутной и проявляющейся через любовь защиты. Примерно в таком же положении находится и современная культура. В значительной степени она лишена возможности самозащиты и потому стала столь уязвимой.

Восприятие образа кулачного бойца ориентировано не только на его внешние действия, но и на стоящую за ними его культуру и направляющий всё это интеллект. В образе кулачного бойца сливаются воедино человеческий интеллект, культура и деятельность, а вместе — это жизнь человеческая, поскольку помимо внешних действий есть ещё и внутренние — самочувствие, переживания и т. д., которые выходят за рамки и культуры, и интеллекта, и отдельного действия.

Важно единство внешней и внутренней жизни, их гармоничная целостность. Из этого следует, что современное обращение к традиционной русской культуре имеет не только общую познавательную ценность, *но и открывает возможности к повышению эффективности обеспечения прогресса и счастья современных людей и потомков.* Любая тренировка, игра, урок-событие есть воздействие на жизнь. Из неё мы черпаем стимулы для собственной активности.

Принципы действия и сами действия кулачного бойца станут понятны и могут быть освоены только после того, как будет понят и станет глубоко ценным образ кулачного бойца — защитника самого себя и всех ценностей.

Русская этика и кулачный бой

*«Кликала, заливалась слезами, причитывала,
что худо будет от отца и матери, — братец не откликнулся!»*

Русская народная сказка «Гуси-лебеди»

*«Пишете вы, что сокрушались и плакали; а я вам пишу, что я тоже
сокрушался и плакал... Мы уж как вместе с ним плакали! Вас вспоминали».*

Ф. М. Достоевский

«Глубже всего смотрят в сердца людей те глаза, которые много плакали»

Э. Ожешко

«Лежачего не бьют», «Семеро одного не бьют»,

«Москва слезам не верит»

Русские народные пословицы

Начнём с определений. «Этика есть наука о нравственном добре и зле и об осуществлении его в поведении человека» — Н. О. Лосский. «Этика — философское учение о морали, её развитии, принципах, нормах и роли в обществе» — С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова. Уже первые слова в этих определениях противоречат друг другу: «наука» и «философское учение». Наука проверяется на истинность, философия — нет. Философия может существовать только как совокупность всех философских систем, во многом противоречащих друг другу. В науке это недопустимо. С другой стороны, наука неспособна определить цели и смысл человеческой жизни, достойные человека способы их достижения.

Устранить противоречие определений можно использованием словосочетания «религиозное учение». Тогда получится: *этика — религиозное учение о нравственном добре и зле и об осуществлении его в поведении человека*. Религиозные положения могут быть проверены на истинность также как и научные, но только религия определяет смысл жизни человека и достойные формы его воплощения.

Ближайшими по смыслу словами к прилагательному «неэтичный» являются «бессердечный», «бесчувственный», «бессовестный», «безответственный». Поэтому сразу становится понятным, что *этика связана с чувствами, эмоциями, переживаниями, ответственностью*.

Как происходит обучение этике? *Обучение этике происходит путём воздействия преимущественно на чувственно-эмоциональную часть подсознания субъектов*. Современность ведёт активное наступление на чувственно-эмоциональную часть подсознания, поэтому всё увеличивается реальнейшая опасность остаться этически безграмотным, особенно для человека, оторванного от религии.

Первым учителем этики для человека является мать. Она попросту любит своё дитя, радуется и улыбается ему, жертвует собой для него. Первая школа этики — это семья. Это отношения с братьями и сёстрами, родителями, бабушками и дедушками. Дети, лишённые общения с братьями и сёстрами, бабушками и дедушками, имеют все шансы вырасти этически неполноценными. К сожалению, современные семьи редко могут похвастать полным набором, чаще всего ребёнок не имеет братьев и сестёр, а с бабушками и дедушками встречается лишь по праздникам.

Искусство во всех его формах является ещё одним каналом воздействия на чувственно-эмоциональную часть подсознания. Особенно сильно воздействует искусство, порождённое традиционной культурой. Но если ребёнок с самого раннего возраста

слушает традиционные сказки, песни, музыку, то взрослый человек практически оторван от них. Как или чем же возместить эту пустоту?

Прежде всего нашей отечественной словесностью. Для примера рассмотрим с несколько необычной точки зрения творчество Ф. М. Достоевского. Общеизвестно, что он достиг вершин художественного описания духовного мира человека. Каким образом? Одна из причин — *использование традиционных фольклорных мотивов*. Чувства героев Достоевского — это чувства *сказочных*, любимых с детства героев, перенесённые в наши серые будни. И эти чувства сразу превращают скучную повседневную жизнь в сказочное, волшебное действо. Герои Достоевского сами открывают нам эту тайну: «В этих углах, милая Настенька, выживаете как будто совсем другая жизнь, непохожая на ту, которая возле нас кипит, а такая, которая может быть *в тридцатом неведомом царстве*, а не у нас в наше серьёзное-пресерьёзное время» («Белые ночи»). Выбирая в качестве эпиграфа к повести «Бедные люди» цитату из книги В. Ф. Одоевского, Достоевский прямо указывает на связь со сказкой: «Ох, уж эти мне *сказочники!* Нет чтобы написать что-нибудь полезное, приятное, усадительное, а то всю подноготную в земле вырывают! Вот уж запретил бы им писать! Ну, на что это похоже: читаешь... невольно задумываешься, — а там всякая дребедень и пойдёт в голову; право бы, запретил им писать; так-таки просто вовсе бы запретил».

Достоевский не пишет о деревне, его герои люди города, люди трущоб, люди, оторванные от традиции. Чисто внешне в его творчестве нет ничего фольклорного, традиционного, но если взглянуть глубже, то окажется, что своих героев он наделил самыми сокровенными, самыми затаёнными чертами традиционного человека.

Какими же? Если кратко, то ***добротой, обострённым чувством вины, жалостью, сердечностью, сочувствием, сопереживанием, которые нередко переходят в слёзы***. Но чувствуют себя виноватыми, жалеют, сочувствуют, сопереживают, плачут в русских сказках и произведениях Достоевского только положительные герои: зайчик, коза, сестра, Иван-царевич, Лиза, Настенька и многие другие. «Идёт дорогой зайчик да *плачет*» («Лиса, заяц и петух»); «Как узнала коза о своей беде, села она на лавку, зачала горько плакать...» («Волк и коза»); «Кликала, *заливалась слезами*, причитывала, что худо будет от отца и матери, — братец не откликнулся!» («Гуси-лебеди»); «Воротился Иван-царевич *невесел*, ниже плеч буйну голову повесил. Ква-ква, Иван-царевич! Почто так *кручинен* стал?» («Царевна-лягушка»); «Иван-царевич *вельми сокрушался* по своему коню, *заплакал горько* и пошёл пеший» («Сказка об Иване-царевиче, жар-птице и сером волке»); «Пишете вы, что *сокрушались и плакали*; а я вам пишу, что я тоже *сокрушался и плакал*... Мы уж как вместе с ним *плакали!* Вас вспоминали. Он *предобрый*, он *очень добрый* человек, и весьма *чувствительный* человек... Я, маточка, сам всё это *чувствую*; со мной потому и случается-то всё такое, что я очень всё это *чувствую*... Я так была поражена его предложением, что, сама не знаю отчего, *заплакала*. Он принял мои *слёзы* за благодарность и сказал мне, что он всегда был уверен, что я *добрая, чувствительная* и учёная девица, но что он не прежде, впрочем, решился на сию меру, как разузнав со всею подробностью о моём теперешнем поведении... Да теперь лучше бы *сердце* они из груди моей вырвали, чем вас у меня! Как же вы это! Вот *вы плачете*, и вы едете?! Вот я от вас письмецо сейчас получил, всё *слезами закапанное*. Стало быть, вам не хочется ехать; стало быть, вас насильно увозят, стало быть, вам *жаль* меня, стало быть, вы меня любите!» «...я, видно, бесчувственная, каменная, — одним словом, я, бедная, из всех сил билась, твердя разговоры и вокабулы, а во всём была *виновата*, за всё отвечала! И это совсем не оттого, чтобы батюшка не любил меня: во мне и матушке он души не слышал... Я *чувствую*, я *знаю*, что скоро умру. Кто-то меня похоронит? Кто-то за гробом моим пойдёт? Кто-то обо мне *пожалеет?*...» («Бедные люди»).

Итак, оценка событий в русских народных сказках и у героев Достоевского одинакова — чувственно-эмоциональная, сердечная, духовная. Нужны ли людям современности, людям города, традиционные чувства? Помогают или мешают они в современной жизни? Быть или не быть им? Современность даёт следующий ответ: «Москва — слезам не верит», который можно обобщить: современное общество, а ещё точнее, аппарат управления обществом — *слезам не верит*.

Государственный аппарат управления действует по праву. *Но русскому человеку права мало, он хочет отношений по любви*. Переход от любви к праву — это переход от сердечных отношений к государственным. Правовые отношения сковывают свободу. «Право — гарантия минимума свободы» — писал Н. Бердяев. В условиях современной российской действительности для большей части населения отношения только по праву без любви будут создавать условия на грани возможного существования. Почти каждая русская мать (или отец) отдаёт своему ребёнку по любви в десятки раз больше, чем она же должна была бы отдать ему по праву. *Трудность построения правовых отношений в России заключается в интуитивном нежелании спуститься с потенциально более высокого уровня отношений — по любви — на потенциально более низкий — по праву*. Закон прежде всего должен быть записан в душе, а не на бумаге. Только в этом случае он будет самореализовываться. Только тогда его выполнение не надо будет контролировать государственным аппаратом. Традиция давала блестящие примеры таких самореализующихся отношений, современность захлебнулась в попытке установления правовых отношений.

Почему ещё в XIX веке наша культура сохраняла традиционную этику, а в западной Европе к этому времени она была почти полностью утрачена? Некоторые причины можно назвать сразу.

Во-первых, традиционная этика, хранимая крестьянской общиной, не подвергалась в России такому сильному воздействию со стороны власти имущих, как в западной Европе. Барин в России сам нередко был местным уроженцем, выходцем из крестьян, и его крестьяне были ему не только соплеменники, но часто и родственниками. Царь-оратай в фольклоре — это царь-пахарь, подобный царю-пастуху (например, Давиду) в Ветхом Завете. Совершенно иное отношение было к холопам и лакеям — барским слугам. Последние чаще всего были из пленных, т. е. были инородцами. Поэтому «барская» этика и крестьянская не были противопоставлены друг другу, а являлись неким единым взаимосогласованным целым. Иное дело в Европах: власть имущий там чаще всего был иного этнического происхождения относительно коренного крестьянского населения — он был завоеватель. И отношение его к крестьянам было примерно такое же, как у нашего барина к холопам. Это порождало две совершенно различные системы этики, противопоставленные друг другу, находящиеся в состоянии постоянной и непримиримой борьбы. Результатом этой борьбы явилась хорошо разработанная правовая система, которой западный мир руководствуется и поныне.

Во-вторых, был ещё один неустранимый фактор, заставлявший русского барина быть более «добрым» — это климатические условия в России. Если при наших шестимсячных зимах норма эксплуатации была бы такая же, как на западе, то русский крестьянин просто бы вымер. «Добрый» русский барин был просто вынужден оставлять у крестьянина большую часть его урожая, иначе он просто не дотянул бы до весны. Там, где нанимали иностранцев и использовали инородные методы ведения хозяйства, результат был плачевный: моры, уход в бега, бунты.

Естественно, что через некоторое время в России произошло слияние холопской и иностранной этики, ведь большая часть холопов-слуг принадлежала не только к другому этносу, а к другому суперэтносу. Особенно заметно это стало проявляться в городах. «Воруют» — это чисто городское явление, абсолютно нехарактерное для традиционной

деревни. Город ныне подавил деревню, а это значит, что холопско-иностранная этика стала преобладающей. Это этика слуг, всегда недовольных своим положением. Гении нашей словесности дали оценку этой этике ещё полтора века назад: «тысячелетняя раба», — «страна рабов, страна господ».

Попытка сохранить традиционные отношения между современными людьми всё чаще приводит к *драматической* развязке. Уточним смысл, который мы вкладываем в слово **драма**. Именно в этом смысле мы будем употреблять его на протяжении всей книги. Направленность общения в драме — между человеком и космосом, между человеком и Богом. Цель — мифологическое, религиозное воспитание. Результат — *выбор жизненного пути* (выбор между добром и злом). Драма направлена на дух. В драме чувствуется космический холод, борьба космоса (порядка) и хаоса (беспорядка). Но Бог является некоторым эталоном, недостижимым пределом этих отношений. Бог — это «условие абсолютного добра». На примере отношений с Богом человек учится отношениям с другими людьми. Драма Христа — это пример пути человека к Богу, пример становления Богочеловека, пример высшей этики. Драма человека — это потеря пути Божьего, это богоборческий бунт, который всё-таки утверждает, что Бог есть — иначе с кем бороться. Это и постоянные действия по обретению пути Божьего. Но в любой форме, даже богоборческой, — это связь с Богом. Понятие «драма» мы противопоставляем понятию «лирика». Лирика направлена на чувства, в лирике чувствуется тепло. Направленность общения — между мужчинами и женщинами, если обобщать, то на отношения между людьми. Этику можно условно разделить на драматическую и лирическую, примерно также как в древней Греции разделяли поэзию. Драматическая этика своим эталоном имеет Бога, лирическая — человека. Большая часть современных определений этики — лирические, например, в словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, в котором этика понимается как отношения между людьми.

Драма героев Достоевского состоит в том, что, находясь в постоянном поиске пути к Богу, человек вступает в конфликт с людьми, не ищущими этого пути, людьми, создающими вокруг себя серьёзный-пресерьёзный мир в наше «серьёзно-пресерьёзное» время. Итак, получается, что высшей формой этики, драматической этикой, обладало именно традиционное общество.

Всё, только что описанное у Достоевского, справедливо и для А. С. Пушкина, и для Л. Н. Толстого, и для многих других наших писателей. Их сказки — это лучшие образцы авторских сказок. Пушкина можно с полным основанием считать нашим русским мифотворцем. «Сказка о царе Салтане...» — блестящий пример современного литературного мифа-сказки. Венцом творчества Толстого стало создание современного учения о морали — о «непротивлении злу насилием», того учения, за которое Л. Толстой был отлучен от православной церкви.

В этом вопросе следует разобраться особо, он имеет непосредственную связь и с этикой, и с кулачным боем. Для любого человека, а особенно, человека верующего, рано или поздно встаёт вопрос: «возможно ли занятия боевыми системами совмещать с духовным самосовершенствованием, не противоречит ли насилие, творимое над противником, основной заповеди всех ведущих мировых религий — не убий»? Для русского человека этот общий вопрос преобразуется в частный: «совместимо ли православие с занятиями традиционным боевым искусством»? Наш краткий ответ: *да, совместимо*.

И. Ильин в книге «Путь к очевидности» писал: «Путь меча есть несправедливый путь, но нет такого духовного закона, что идущий через несправедливость идёт к греху... Братся за меч имеет смысл только во имя того, за что человеку действительно стоит умереть. Добровольное допущение несправедливости волею создаёт вину. Он *принимает* и *вину* своего решения. Принимает на себя не только бремя смерти, но и бремя убийства. Обременяет только напрасная вина. Перед лицом агрессивного злодейства нет идеального

исхода. Выход — принятие своей личной несправедливости в борьбе со злодеем, как врагом Божьего дела. Он несправедлив, но прав. *Христос учил не мечу, а любви, но ни разу не осудил мечу».*

Итак, **этический результат реального боя — это принятие на себя вины за возможное убийство человека, поправшего законы человеческие и Божьи. Только в этом случае ещё можно говорить о нравственности.** Убивающий и нечувствующий на себе вины — это идущий через несправедливость к греху. Этот путь несовместим с нравственным совершенствованием. Участие в бою — это добровольный отказ от спасения — отказ от справедливости, являющихся не столько целью, сколько образом жизни настоящего христианина. Но христианин, идущий на бой, принимает это — он несправедлив, но прав. Он соприкасается со злом, вступает в него, проходит через него, но не к нему. «Кто станет сберечь душу свою, тот погубит её, а кто погубит её, тот оживит её».

Выйти на бой для христианина — это не столько человеческая трагедия, сколько религиозная. Активная борьба со злом, с противодействующим явлением, — отличительная черта христианства — «не мир, но меч принес я вам». Не выйти на борьбу со злом — это значит содействовать ему, преумножать его — это куда больший грех. Есть ситуации, в которых, столкнувшись с реальным злом, человек не может остаться справедливым, но может остаться правым.

Смысл боя, как и любого явления, находится за его пределами. Было бы большой ошибкой искать его внутри самого боя (где убивают и повергают). К сожалению, современники утрачивают изначальные смыслы и видят в бое только одну — пугающую сторону, только один цвет — чёрный. У боя не одна функция — победить, повергнуть, убить. Физическое убийство не выше убийства духовного, тело не выше души. Тело — это всего лишь вместилище, временное прибежище души. Бой — это физическое пресечение зла. Это последний бастион, когда в борьбе со злом исчерпаны все ресурсы: духовные и душевные. Физическая борьба с ним является неизбежным продолжением, если духовная и душевная борьба не дали результата.

По мнению Н. Бердяева распространение учения Л. Толстого о «непротивлении злу насилием» в среде интеллигенции сделало возможной революцию в России. Интеллигенция, «вооружённая» толстовством, просто не нашла духовных и физических сил для борьбы с «бесами», по выражению Достоевского. Уничтожение интеллигенции после революции — это плата за её непонимание всей важности реальной, в том числе и физической, борьбы со злом во всех его проявлениях. Вместе с русской интеллигенцией и её несостоявшейся этикой строителями нового мира была уничтожена (вместе с её носителями) и традиционная этика.

Неагрессивная сущность русского кулачного боя исходит из неагрессивной сущности крестьянского труда. Максимум на что рассчитывает крестьянин — это на защиту самого себя, своей семьи, своей деревни, своей Родины и результатов своего труда. Русские эпические богатыри — это крестьяне-пахари. Крестьянин с точки зрения боевого мастерства всегда любитель, а не профессионал. Он не любит, не хочет воевать, он хочет возделывать свою землю, выращивать хлеб и жить мирно. И наоборот, любой вид боевого профессионализма имеет искушение стать агрессивным.

Рассмотрим некоторые отличия этики аристократии, традиционной и современной этики. Каждое общество вырабатывает свои этические нормы. Например, в высшем свете одним из средств защиты своей чести были дуэли, заимствованные у западноевропейского общества. Повод для дуэли — нарушение этических норм. (Мы говорим повод потому, что чаще всего настоящей причины для дуэли не было. Дрались от некоторой избыточности сил, которым не находили применения. В чём-то дуэль являлась таким же знаком отличия, знаком избыточности сил, как большие рога у оленя. Известно,

что рога оленями используются только для брачных боёв, в остальном же они только мешают. Поэтому чем большие рога он может себе позволить «носить», тем больше у него сил, тем больше вероятность, что олениха выберет именно его. Безрогий олень не имеет не малейших шансов оставить потомство — его не выберут, он не демонстрирует избыточность сил.)

Если наша отечественная аристократия переняла эту форму этического поведения, то в «низших» слоях, являвшихся подлинными носителями традиции, которую мы и изучаем, такой формы поведения не было. А что же было? Были кулачные бои: охотничий (кому охота, т. е. сам на сам) и стеношный. Главное их отличие от дуэли состояло в том, что **повода для традиционного охотничьего и стеношного боя не было**. Как правило, кулачные бои происходили в **праздничный** день при строгом соответствии с традиционной этикой. К ним готовились, их ждали. Они также как и дуэли демонстрировали избыточность сил и не только индивидуальную, но и коллективную. А главное, для **их осуществления не надо было нарушать никаких этических норм**. Неэтичного никогда не ждут, не радуются ему, наоборот, его всячески избегают.

Итак, «высшее» общество «дерётся» только при нарушении этических норм, традиционное общество, наоборот, «дерётся» при соблюдении их. И в том, и другом случае бой обязательно сопровождается определённым **обрядом**. Напомним определение В. Даля: «Дуэль — единоборство, поединок; вообще принято называть дуэлью условный поединок, с известными уже **обрядами** по вызову». Несоблюдение обряда превращает кулачный бой в драку, а дуэль — в убийство.

Высшее общество насаждало этику через наказание, оно **требовало** выполнения норм этики. Дуэль — это **наказание** аристократа за нарушение этики. «Малейший намёк на приказание, распоряжение, требование, запрещение, особенно если оно исходит от лица, считаемого нами ниже нас, болезненно задевает нас. Особенно упорным становится сопротивление, когда человеку кажется, что чужая воля, воля общества, государства, Бога, обращается к нему с **требованием добра**, осуществления его как **должного**» — пишет Н. О. Лосский («Условия абсолютного добра»). «Я никому ничего **не должен**» — заявляет Подросток в романе Достоевского.

Освоение этических норм в традиционном обществе происходит через **моральное поощрение**, через **награду**, чаще всего нематериальную, через **общественное признание**. Праздник — всегда поощрение, награда. При этом этическое поведение не навязывается, а остаётся единственно возможным для достижения всеобщего уважения.

Дуэль — это форма внутривидовой борьбы **индивидов** в цивилизации. Напомним, что **индивидуальная** форма внутривидовой борьбы (между самцами) присуща животному миру. Стеношный бой носит игровой **коллективный** характер, поэтому он — форма имитации **коллективной** внутривидовой борьбы в культуре. **В традиции почти все явления культуры закрепляются в коллективе: вокал — в хоре, пляска — в хороводе, труд — в общине, артели; религия — в братстве, соборности...** Имитируется в стеношном бою и цель внутривидовой борьбы (между самцами) — захват территории. Вытеснение чужой стенки за определённую границу признаётся победой. Проигравшая стенка уходит — оставляет территорию. Победители устраивают праздничное гуляние, на котором нередко участвуют и девушки побеждённых.

Стеношный бой, в отличие от дуэли, формирует такие взаимоотношения, как **взаимодействие, взаимопомощь, взаимовыручка**. «Взаимная помощь ведёт к сохранению особей с самыми разнообразными свойствами, как биологически сильных, так и биологически слабых; она содействует богатству и разнообразию жизни в целом. Многие из свойств, например утончённая умственная деятельность, далёкая от практических целей, эстетическое творчество и т. п., воплощают высшие ценности, сверхбиологические, и **затрата сил на осуществление их почти всегда связана с уменьшением способности**

к борьбе за существование. Ясно отсюда, что *высшие формы жизни могут развиваться только в среде, где взаимная помощь широко развита. Взаимная помощь есть более мощный фактор эволюции, чем борьба за существование и вымирание неприспособленных к среде*» — писал П. Кропоткин («Взаимная помощь как фактор эволюции». Изд. Товарищества «Знание». СПб., 1907). Кропоткин на несколько десятилетий предвосхитил закон, сформулированный М. Шелером и Н. Гартманом: **чем более ценно какое-либо явление, тем более оно хрупко, тем более оно зависит от бытия, низшего по своей ценности**. Отсюда возникают бесчисленные драмы в нашей нравственной жизни.

Н. Бердяев считает, что в России не было рыцарства, давшего западной Европе высшую форму этики. Эту форму рыцарства можно назвать индивидуальной аристократической. Действительно, такой формы рыцарства на Руси не было. А какая была? Наш ответ — такой формой «рыцарства» была коллективная этика традиционного общества. Как фактор эволюции эта форма, на наш взгляд, была более значимой, чем западноевропейская. Она охватывала гораздо большую часть населения, сплачивала его, была основой культурных отношений. Она захватила и больший временной промежуток и пережила западноевропейскую рыцарскую этику лет на 500, которая уже во времена Сервантеса вызывала смех. Российская аристократия с XVII века приняла не традиционную, а западноевропейскую форму этики. Тем самым она противопоставила себя традиционному обществу, и в какой-то степени стала ниже его. Истоки народничества лежат именно в этом разделении этики русского народа.

Осталось ли в нашей современности что-нибудь от традиционной этики? Конечно, и пока ещё очень много. Прежде всего традиционная этика сохранила свои следы в русском языке. Она притаилась в столь часто употребляемых волшебных словах: ПОЖАЛУЙСТА, ПРОСТИТЕ, ИЗВИНИТЕ. Только изменения нашего общества в сторону нетрадиционного не позволяют воспринимать истинный смысл этих слов. Пожалуйста имеет не столько смысл «пожалуй» (награды), сколько — **«пожалей»**. Недаром служащие вплоть до XX века получали *жалование*, а не зарплату, ставшую сейчас в десятки раз в среднем меньше. Извините — избавьте от напрасной **вины**. Чувство вины, ответственности является одним из обязательных качеств духовного аристократизма. Простите — считайте меня невиновным, избавьте от греха. При расставании надолго или навсегда мы говорим — *прощай*. **Прощение** — одна из основных заповедей Евангелия. Итак, **простите, пожалуйста** — *избавьте от греха, пожалейте*. **Извините, пожалуйста** — *избавьте от напрасной вины, пожалейте*. Главный мотив этих волшебных слов совпадает с традиционной этикой — это обращение к чувствам, любви, состраданию, прощению.

Эстетика кулачного боя

Начнём с определений. «Эстетика — греч. **ощущение, чувство**. Учение о прекрасном. Об искусстве и художественном творчестве» — словарь иностранных слов. С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова: «1. Эстетика — философское учение *о сущности и формах прекрасного* в художественном творчестве, в природе и жизни, об искусстве как особом виде общественной идеологии. 2. Система чьих-либо взглядов на искусство. 3. *Красота, художественность* в оформлении, организации чего-нибудь».

Такие слова, как «чувство» и «красота» сразу выводят нас на связь с чувственно-эмоциональной частью интеллекта, которая в значительной степени опирается на подсознание. Вспомним определение Э. Канта: «прекрасное познаётся без посредства понятия». Другими словами, на неосознаваемом уровне. В свою очередь, значительная часть традиций передаётся на подсознательном уровне. Поэтому эстетика должна иметь непосредственную связь с **традиционной культурой**. *Эстетика вне традиции перестает быть эстетикой и превращается в эстетизм* — в увлечение внешними формами в ущерб сущностям.

Ещё одно кантовское определение: «красота — это целесообразность предмета без представления о цели». По своей форме это определение похоже на формулу русских сказок «пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что», по сущности также полное совпадение — «Елена Прекрасная» — вот та, которую ищет Иван-царевич. Слово «цель» играет особую роль в этой книге. Можно сказать, что это слово является одним из главных связующих звеньев между главами.

Эстетику можно определить как знаковую систему, поддерживаемую на чувственно-эмоциональном уровне, и помогающую «держать курс» на неявную, невидимую, частично невоспринимаемую сознательно цель. Именно поэтому *эстетика помогает решать плохообусловленные и плохоформализуемые задачи при недостатке данных и времени*. В бою всегда не хватает данных и времени, поэтому роль «эстетического», красивого ведения боя возрастает. *Боевая ситуация всегда является стимулом для нахождения оптимальных решений*, которые и внешний, и «внутренний» наблюдатель будут считать красивыми, эстетичными. Некрасивые, неэстетичные действия приводят к неудаче, неуспеху, гибели. И наоборот, *движения, построенные по законам красоты, могут спасти жизнь в бою*. В общем виде эту мысль выразил Ф. М. Достоевский устами одного из своих героев: «красота спасёт мир».

Скорее всего, эффективность действий также имеет отношение к эстетике. Ведь эффективность, как и красота, связана с целью и затратами на её достижение. Может быть, эффективность — это научный, строго формализованный аналог, а точнее упрощённый вариант, частный случай того, что мы считаем эстетически значимым и красивым.

Традиция обычно сохраняет и обобщает нормы, в том числе и эстетические, являющиеся результатом усреднения, повторения того, что было справедливым на протяжении длительного времени. Стремление к красоте — это стремление к чему-то превышающему норму, и поэтому создающему направленность на улучшение традиции. Человек обладает способностью бессознательно сравнивать поступающую информацию с прогнозом, формируемым на основе норм, хранимых в подсознании. Предмет или явление признаются красивыми, если текущее состояние превысило прогноз. Другими словами, человек обладает способностью бессознательно оценивать шансы на достижение неявной цели, и если эти шансы превышают среднестатистическую, традиционную норму, то возникает положительная чувственно-эмоциональная реакция, которую можно назвать чувством прекрасного.

Человек, оторванный от традиции, оторван и от тех норм, на основе которых в подсознании осуществляется оценка содеянного. В принципе такой человек «не ведает, что творит», находится вне этических и эстетических норм. Дети, естественно, ещё не могут обладать тем «банком» норм, которым владеют взрослые. Именно поэтому они постоянно стремятся к тому, чтобы их оценили, тем самым ежедневно, ежедневно, ежеминутно пополняя, корректируя свой собственный «банк».

Роль эстетики в традиции огромна. Мир, сотворённый человеком традиции вокруг себя, сотворялся по законам красоты. Способность к восприятию красоты резко повышает потенциал интеллекта. Красота — это знак качества, которым интеллект награждает некоторый предмет, явление или сущность, и который воспринимается также другим интеллектом.

Есть три уровня эстетической оценки. Эстетические реакции выявляются, возможно, на уровне базисных механизмов восприятия, общих для человека и других высших позвоночных; дальше вступают в действие видоспецифические процессы кодирования сенсорных сигналов и, наконец, модели реагирования, принятые в той или иной культуре.

На раннем этапе обработки зрительной информации в мозгу действуют детекторы деталей, настроенные на полосы и края различных размеров и ориентаций. Нейрофизиологи открыли в мозгу млекопитающих нейроны, избирательно реагирующие

на удлинённые объекты. Мозг также хорошо снабжён механизмами для восприятия светлоты и цвета. Это означает, что **линии, светлота и цвет** служат основными элементами отображения видимых объектов не только в искусстве, но и **в мозгу**. В высших перерабатывающих областях мозга *обнаружены зрительные нейроны, особенно чувствительные к стимулам, сходным с человеческим лицом или какими-то его частями. На последующих этапах развития мозга прокладываются нейронные пути, чувствительные к стимулам, сходным с параметрами движений человека в той или иной культуре.* Культура человека с одной стороны состоит в том, насколько он сумел подстроить свой мозг к той социальной среде, в которой он живёт, а с другой стороны -- насколько эта подстройка соответствует объективным законам. Правильная настройка даёт возможность мгновенно и на большом расстоянии отличать «своего» от «чужого», например, по походке, «правильное» поведение от «неправильного», быстро находить оптимальные или близкие к ним решения в типовых ситуациях.

Каждый раз, когда речь заходит о красоте объекта, подчёркивается значение его формы. Академик П. Симонов пишет: «Красота — это максимальное соответствие формы (организации, структуры) явления его назначению в жизни человека». «Это по-настоящему полезно, потому что красиво» — Сент-Экзюпери.

Арифметика золотого сечения

Рассмотрим некоторые конкретные формы красоты, такие как золотое сечение.

Общеизвестно: золотое сечение — это закон пропорциональной связи целого и составляющих, это целое частей. Классический пример золотого сечения — деление отрезка в среднепропорциональном отношении, когда целое относится к большей части, как большая часть к меньшей: $\frac{a+b}{b} = \frac{b}{a}$.

Такая задача имеет решение в виде корней уравнения $x^2 - x - 1 = 0$, численные значения которых равно:

$$x_1 = + \frac{\sqrt{5} + 1}{2} = 1,618034... = \Phi \text{ и}$$
$$x_2 = - \frac{\sqrt{5} - 1}{2} = 1,618034... = - \Phi^{-1}.$$

Но зачем всё это? Какое отношение это имеет к бою? Что конкретно может дать бойцу знание законов золотого сечения? *Золотое сечение, являющееся проявлением одной из форм гармонии и красоты, имеет самое непосредственное отношение к русскому кулачному бою и к традиционной боевой пластике.*

Ниже будет показано, что оптимальные для боя движения человека имеют прямую связь с законами золотого сечения. Соотношение наступательных и защитных действий также в значительной степени имеет связь с золотым сечением.

Сразу отметим, что не только такие видимые формы боя, как пластика, подчиняются этим законам. Им подчинены такие важные для боя процессы, как дыхание, сердечная деятельность — т. е. временные. Приведем цитату из журнала «Врач» (№ 10 (12) ноябрь, декабрь 1996): «Общая систола, диастола и весь кардиоцикл находятся в соотношении, идеально отражающем “золотое сечение”»: 0,382: 0,618: 1,0. Гармоническая пропорция характерна и для других интервалов ЭКГ, причём отклонение не превышает 5 процентов. Специалистами предложен специальный критерий оценки деятельности сердца — совокупная пропорция элементов ЭКГ. Чем дальше эта пропорция от сечения, тем серьезнее болезнь. Надёжность этого показателя подтверждена серией клинических испытаний. Использование нового подхода позволяет избежать достаточно частых противоречий между компьютерной трактовкой деятельности сердца и пониманием врачом состояния больного».

Как бойцу приблизить к золотому сечению систолы и диастолы сердца, вдохи и выдохи? Можно ли ими управлять? Да, в значительной степени можно. А именно ритмы традиционной музыки, пения боевых частушек помогают синхронизировать внутренние процессы с помощью внешних. Дело в том, что многие исследователи тайны золотого сечения, например такие, как Ю. И. Артемьев и М. А. Марутаев, показали, что традиционная музыка имеет большую связь с золотым сечением. С другой стороны, многие стихотворные народные и авторские (особенно пушкинские) формы также построены в соответствии с золотыми пропорциями. Боец, поющий боевую частушку «под драку» невольно начинает двигаться по «золотым» траекториям.

Другим примером является повышение температуры тела организмом человека для борьбы с инфекцией. Так, например, считается, что оптимальной температурой, при которой организм наиболее эффективно борется с инфекцией, является температура 38,2°C. У воды, из которой в основном состоит кровь, есть два важнейших агрегатных состояния: температуры кипения (100°C) и замерзания (0°C). Если целым считать интервал температур от 0°C до 100°C, то части будут 38,2°C и 61,8°C.

$$\frac{100}{61,8} \cong \frac{61,8}{38,2} \cong 1,618.$$

Итак, для устранения инфекции организм человека поднимает температуру до 38,2°C, которая является «золотым сечением» интервала температур кипения и замерзания воды.

Эзотерика золотого сечения

Прежде чем приступить к рассмотрению золотых пропорций русской пластики, отметим некоторую связь между некоторыми древними эзотерическими знаниями и золотым сечением.

Древние философы распространяли понятия «видимость» и «сущность» не только на вещи, но и на числа. *Арифметическим действием, выявляющим сущность числа, выступает квадратный корень.* Но он может быть и кубическим, и более высокой степени, — всё зависит от глубины погружения внутрь числа.

Сущность $x = \sqrt{x}$.

Непривычная формула. Заметим, кстати, что при таком написании слово «суть», «сущность» эквивалентны знаку радикала. Возможно ли допустить такое? В словаре В. И. Даля о слове *суть* сказано на удивление мало, но очень точно. «Существо» — это «самость, основание; зерно, ядро, нутро». Русский язык верно воплощает аристотелевский смысл о взаимосвязи «рода» и «вида». Суть — это скрытый прообраз, порождающий явл». Так говорят, подчёркивая необходимость углубления внутрь видимой картины, явления. (*«Зри в корень»* — Козьма Прутков.)

Но вернёмся к формуле. Число (x) в ней представляет «видимость», «явность», а число $\sqrt{x}$ — «сущность», стало быть «скрытость», «тайность». Рассматривая их как «образ» и «смысл», надо отметить, что соотносимые пары, не исключают, а взаимно дополняют друг друга. В совокупности они дают «тождество». Вот почему в полноте своей любое число можно выразить не только номиналом ($x = 1$ или 2, 3, 25 и т. п.), но и единением (тождеством) этого «видимого числа» и его «скрытой сути».

Тождество числа $x = x + \sqrt{x}$. Эту «формулу» древние считали одним из высших открытий, она отображает одну из основ религиозных и философских учений того времени. Почему? Попробуем найти ответ в современных «точных» науках. Один из вариантов вычисления золотого сечения следующий:

$$F = \lim \sqrt{1 + \sqrt{1 + \sqrt{1 + \sqrt{1 + \sqrt{1 + \dots}}}}}$$

А теперь сравним формулу золотого сечения, найденную современными математиками и «формулу» тождества, известную несколько тысячелетий. Нетрудно заметить, что современная формула является ритмическим инвариантом «формулы» тождества числа (или явления) для наиболее «важного» значения $x = 1$. На основании этого можно заключить, что золотое сечение даёт значение *сверхсущности*, а приведённая формула его вычисления является алгоритмом нахождения *сверхсущности*. Сверхсущность образуется из сущности (первого радикала), но не простой, а представленной бесконечным рядом тождеств, каждое из которых состоит из видимости (самого числа), к которой добавлена сущность (корень). Таким образом, осуществляется операция постоянного извлечения сущности из тождества. Причём при увеличении числа членов (глубины проникновения) тождество уточняется, приближается к сверхтождеству, соответственно сущность стремится к сверхсущности. Как точность расчёта числа Φ достигается увеличением включённых в расчёт числа членов, так и приближение к сверхсущности достигается познанием сущности, затем сущности сущности, ..., сущности сущности... сущности, и так до бесконечности. При этом как будто срываются ряд покровов, распечатываются ряд печатей, находится смысл смысла. Формула отражает постоянный процесс получения знания, постоянного стремления к нему и достижения его в бесконечности.

Золотое сечение и вурфные пропорции в традиционной боевой пластике

Естественно, боец не вычисляет золотые траектории и положения во время боя. Они получаются естественным образом при соблюдении определённых условий. Особо отметим, что почти все из этих условий, накладываемых золотыми пропорциями, одновременно являются условиями или характеристиками здоровья человека.

Некоторые из них, связанные с антропологией, выполняются сразу. Это парность (две руки, две ноги, и т. д.), возможность складывания и раскладывания (наличие суставов — точек вращения), наличие центральной оси вращения, совпадающей с осью симметрии — позвоночного столба. Этими свойствами обладают почти все. *Их отсутствие считается значительным физическим несовершенством*. Некоторые наблюдаются уже не у всех. Это *одинаковая величина или симметрия компонент* (ширина туловища в плечах) должна быть равна длинам плеч и предплечий; а высота туловища — длинам бёдер и голеней. *Разница в длинах между соответствующими парами* (например, голень — голень) на 0,5 см и между смежными соответствующими компонентами на 2–3 см — также *считается показателем нездоровья*, провоцирующим многие болезни. Многие школьники уже в первом классе «зарабатывают» неодинаковые длины парных частей тела. Их танец и бой будет негармоничен, несовершенен уже по антропологическим причинам.

Связь симметрии с золотым сечением доказана многими авторами, например, Урманцевым и Марутаевым. «Число Φ — естественная инварианта преобразований симметрии», — подчёркивает Урманцев.

Отыскание в теле человека золотых пропорций наталкивается на следующие трудности. Во-первых, в процессе роста размеры частей тела человека и их соотношения всё время меняются. Поэтому золотые пропорции, установленные у младенца, исчезают через несколько месяцев, хотя появляются какие-то иные. А гармонические пропорции юноши или взрослого совершенно отсутствуют у детей. Так, например, золотое отношение стопы к бедру (1,618) в среднем имеет место в возрасте 12–13 лет, увеличиваясь от 1,4 в младенчестве до 1,68 в возрасте 20 лет. Но наше эстетическое чутьё подсказывает, что формы человека в каждом возрасте прекрасны, а несовершенным является лишь тот математический аппарат, которым мы пытаемся их обнаружить. Во-вторых, любая пропорция, в том числе и золотая, характеризует отношение длин двух элементов, а тела животных, включая человека, построены на трёхчленных блоках.

Преодолеть эти трудности удалось современным исследователям. Так В. С. Петухов исследовал изменение тела человека по трёхчленным блокам с использованием трёхчленных «вурфных» пропорций проективной или конформной геометрии. В книге «Биомеханика, бионика и симметрия» (М., 1981) он пишет: «Для блока, состоящего из трёх элементов с длинами a , b , c , вурфное отношение $W(a, b, c)$ вычисляется по формуле: $W(a, b, c) = (a + b)(b + c) / b(a + b + c)$ ». Конформно симметричными считаются блоки с равными вурфами. Путём конформных преобразований такие блоки могут быть совмещены с полным совпадением всех точек. Оказывается, что такие трёхчленные блоки нашего тела, как стопа, голень, бедро (а также кисть, предплечье, плечо; фаланги пальцев рук и ног) изменяются во времени с одинаковыми вурфами. Например, если взять соотношения стопы, голени и бедра в возрасте 1 года, 10 и 20 лет, то изменения выглядят так: 1: 1,27: 1,40; 1: 1,34: 1,55; 1: 1,39: 1,68. Вурфы всех этих блоков равны 1,30. Эта же величина вурфа имеет место и в любом другом возрасте. Такая же картина наблюдается и для других трёхчленных блоков человеческого тела. Средняя величина человеческого вурфа 1,31. В. Петухов считает, что идеальным вурфом, который он назвал «золотым», является величина 1,309. Он равен $\Phi^2/2$. Вурфное золото не просто показывает эстетически приятные пропорции, но указывает на *родственную* связь с единым исходным началом.

Если трёхчленные вурфы человеческого тела близки к золотому, то его строение гармонично и, как правило, он здоров. Интересно, что само слово строение имеет явную связь с числом три (именно строение, а не сдвоение или счетверение). У современников-акселератов вурфные пропорции часто оказываются нарушены, как правило, эти молодые люди уже со школьной скамьи имеют проблемы со здоровьем.

В традиционной танцевальной и боевой пластике трёхчленность движений очень ярко выражена. Каждая часть тела кулачного бойца «использует» все допустимые для неё степени свободы. Именно это даёт возможность в ударах использовать «волну», прокатывающуюся по туловищу и наиболее заметную в характерных изгибах плечей, предплечий и кистей, для которых значение вурфа колеблется от 1,30 до 1,32.

Трёхчленность движений традиционной боевой пластики

[Б – 16]
Методология
воспитания

40

Такой тип движения обладает многими преимуществами. Так, например, трёхчленное движение позволяет избегать травм, экономить энергию и время, т. к. мышцы раскрепощены, а также выполнять такие сложные боевые приёмы, как оплетение бьющей руки противника.

Волнообразные формы движений традиционной пластики кажутся наблюдателю очень живыми и поэтому оказывают положительное эстетическое воздействие. Похожие волны имеют место в других трёхчленных блоках человеческого тела, например в таких, как бедро, голень стопы; туловище, верхняя и нижняя конечность.

В генокод человека занесена информация о преобразовании форм нашего тела по принципам конформной симметрии, что и даёт постоянную и неизменную величину вурфа. Современная цивилизация часто помещает человека в условия, препятствующие правильному развёртыванию генокода по законам вурфа. Бой без трёхчленных

движений подобен исполнению музыкального произведения на расстроенном (расстроен — не соединен по три) музыкальном инструменте. Именно с этим явлением мы постоянно сталкиваемся в современных спортивных и боевых стилях. Они в буквальном смысле *расстроены*, трёхчленные движения в них отсутствуют. Чаще всего в их движениях закрепощены лучезапястный сустав (например, в боксе) или локтевой (принцип железной руки в айкидо) суставы, поэтому они всего лишь сдвоены. Вместо трёхчленных движений остается дуплет, а иногда и соло — движение только одного уровня. Если обучение по «укороченной» (т. е. не трёхчленной) программе продолжается долго, а восполнения до полной программы человек нигде более не получает, то отрицательная эстетическая реакция становится всё более частой. В таких условиях человек должен направить свои усилия на компенсацию и уничтожения вредных влияний. Кулачный бой как бы подсказывает человеку оптимальные формы движения, необходимые не только для успеха в бою, но и для достижения здоровья. Традиционная пластика, как и традиционная музыка, влияет на рост тела ребёнка и преобразование форм тела взрослого таким образом, чтобы сделать их как можно более близкими к золотым и вурфным пропорциям. Движение по золотым пропорциям является не только индикатором здоровья, но и мощным профилактическим и терапевтическим средством.

В традиционном обществе кулачный бой в его культурных формах формировал заказ на гармонично сложенного человека. В боевых формах он осуществлял «естественный» отбор гармоничных от негармоничных, т. к. последние бились значительно менее эффективно и не пользовались большим успехом у прекрасной половины человечества.

Самым трудновыполнимым для современников условием достижения золотых пропорций является **симметрия движений**. Это уже не антропологический, а динамический показатель. Полностью выполняется это условие только в движениях традиционной пластики, особенно боевой. Обладая теми же антропологическими данными, представители современных стилей не могут двигаться по законам золотого сечения уже потому, что движения несимметричны в пространстве и времени. Так, например, боксёры бьются в односторонней стойке, по-разному боксируя левой и правой рукой. Во многих стилях нет симметрии между движениями вперёд и назад, вверх и вниз. Кроме того, в стилях, используемых сегодня, к минимуму сведены их поэтичность, напевность, музыкальность, способствующие гармонизации интеллекта.

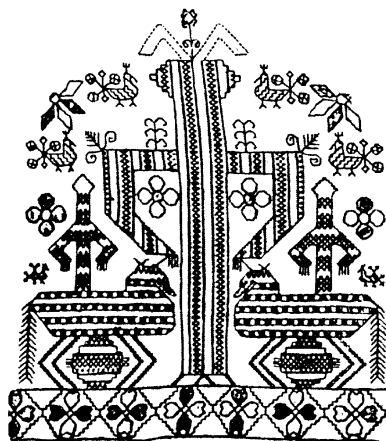
Приведём несколько примеров простых (не трёхчленных, не вурфных) золотых пропорций в кулачном бою. Характерной начальной фазой почти всех объёмных боковых ударов («хлёт» кулаком, «хлёт» стопой, «рубмя») в русском кулачном бою является взлёт плечей и предплечий.

Отношение расстояния от верхней границы плечей до земли (рост по плечи) к ширине размаха локтевых суставов соответствует золотой пропорции. Отклонения при пропорционально сложенном теле и правильно выполненном движении не превышают 1–2%.

Такой выброс плечей в стороны — одна из уникальных особенностей нанесения почти всех видов ударов руками в кулачном бою. Его цель — обеспечить защиту бойца с боков на ранних фазах любого удара, тем самым резко повышая вероятность достижения цели боя — сохранения собственной жизни.

Положительные эстетические реакции от золотых пропорций, возникающие у людей-наблюдателей, могли совпадать с успехом кулачного бойца, который, соблюдая их, тем самым лучше себя защищал и имел большие шансы на победу, чем бойцы, не соблюдавшие их. Тем самым устанавливалась связь между общим успехом и золотыми пропорциями.

Выброс плечей в стороны нашёл своё отражение даже в различных жанрах русского искусства, например в вышивке. С широко разведёнными в стороны руками изображались и Рожаницы, а с разведёнными и согнутыми в локтях — божество Макошь и всадники. Из современности одновременно ушли и боевые движения локтями в сторону, и изображения в декоративном и прикладном искусстве. Идея широких плеч нашла своё отражение в военном снаряжении, а впоследствии в военной форме. Кстати, погоны в современной русской армии являются самыми широкими во всей Европе — это наследие эпохетов, а ещё более глубоко — традиционной боевой пластики. Так, наиболее эффективный в рукопашном бою выброс плечей в стороны зафиксировался в различных формах культуры: в плясках, жестах, вышивках на тканях, одежде. Сейчас эстетичными не только для мужчин, но и для женщин считаются пальто, плащи, пиджаки, куртки с накладками на плечах. Имеет выброс плечей в сторону и связь с языком телодвижений и жестов.

Следующим характерными фазами этих же ударов является непосредственный контакт с целью, при котором бьющая конечность полностью распрямляется.

И опять пропорции являются золотыми. В «хлёсте» кулаком — это отношение расстояния от верхней границы плечей до земли (рост по плечи) к ширине размаха рук (от кулака бьющей руки по локоть небьющей). В «хлёсте» стопой — это отношение расстояния от верхней границы плечей до земли (рост по плечи) к длине вытянутой ноги. В ударе «рубмя» — это отношение расстояния от верхней границы плечей до земли к размаху рук (между кулаками) по вертикали. Отклонения от «золота» не превышают 2–3% и связаны с некоторым индивидуальным разбросом в исполнении.

Одновременно заметим, что поперечный охват пространства во многих ударах русского кулачного боя почти равен продольному, т. е. по направлению на противника. Но туловище и голова бойца находятся не посередине этого круга, а смещены в сторону, противоположную направлению удара. Функция рук такая же, как и на начальной фазе удара — защита бойца с наиболее опасных направлений.

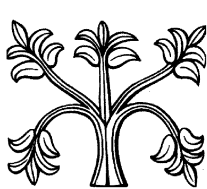

Ни какая-нибудь другая, а именно **золотая пропорция «обеспечивает» эффективность защиты локтями и атаки кулаком или стопой**. Эти свойства показывают целостность, полноту, единство движений традиционной пластики. Можно сказать, что **гармония между защитой и атакой в кулачном бою достигается при соблюдении золотой пропорции**. Золотые пропорции, проявляющиеся в движениях бойца, являются точнейшим индикатором правильности их выполнения.

Сакральные знаки

Многие современные орнаменты и украшения содержат узоры и знаки, устойчивость которых сохраняется на протяжении тысячелетий. *Причина этого состоит в их высочайшей эстетической выразительности, которая, с одной стороны, связана с особенностями нашей культуры, а с другой — является отражением законов мира и их восприятия человеком. Форма, восприятие которой легко, является эстетичной.*

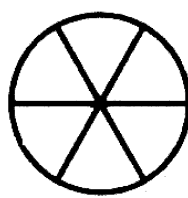
Узоры представляют изображения выходящих растений цветков, деревьев, как правило, имеющих спиральную, круглую или овальную формы. А «главным» сакральным знаком является так называемый громовой знак, иногда изображавшийся и в «растительной» форме. Вот как описывает его академик Б. А. Рыбаков: «Растение в форме буквы “Ж”, окружённое кругом и шестью гранями, как обычно в русской избе изображали “громовой знак”. Символ в высшей степени полисемантический: круг и вписанный в него шестигранник должен обозначать вселенную, “белый свет”».

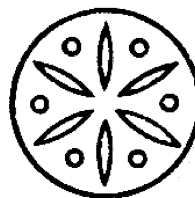
Древо жизни
в форме
буквы «Ж»

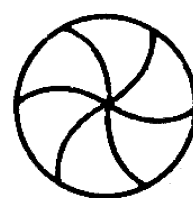
Буква «Живи»

Громовой знак

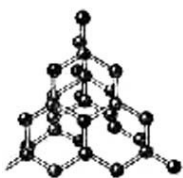
Громовой знак —
орнамент

Громовой знак —
солнце

Громовой знак — это не просто растение, он имеет связь с одним из центральных символов мифов — с деревом жизни. Интересно, что лишь в славянские азбуки входит буква «ж», имеющая форму сакрального знака и приказа-заклинания — «живи». Западноевропейские алфавиты ни по форме, ни по звучанию, ни по смыслу такой буквы не имеют.

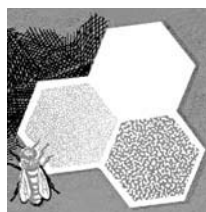
Структуру громового знака имеют многие физические и биологические объекты. Шестигранник (или цветок с шестью лепестками) очень часто придает объекту какие-то экстремальные свойства.

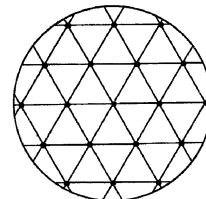
Кристаллическая
решетка алмаза

Фотография снежинки

Пчелиные соты

Структура
пространства
на плоскости

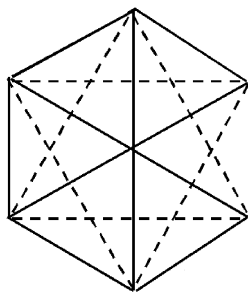

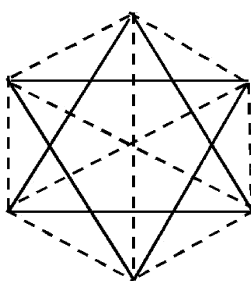
Так, например самый прочный кристалл в мире — алмаз — имеет шестиугольную пространственную структуру кристаллической решётки, в тоже время уголь, также являющийся углеродом, но с другой структурой кристаллической решётки, такими свойствами не обладает. Вода — один из источников жизни, замерзая в свободном пространстве, образует кристаллы с шестью лучиками — снежинки. Шестиугольную форму имеют пчелиные соты, которые, несмотря на мягкость строительного материала — воска, обладают удивительной прочностью.

Все эти свойства неслучайны — они связаны с глубинными свойствами пространства. Опираясь на данные фундаментальных теоретических и экспериментальных исследований, многие физики пришли к выводу о том, что пространство и вещество есть нечто целостное, что вещество не существует вне пространства и что пространство вне материального субстрата — абстракция. Физический вакуум — пустота — в современном представлении содержит в себе в свёрнутом виде все элементарные частицы и все законы природы. Элементарные частицы трактуются в отношении к пространству не как посторонние физические объекты, движущиеся в нём, а как возбуждённые состояния самой геометрии. «Представление об однородной структуре пространства на плоскости даёт триангулярная решётка. Расстояния между смежными точками равны (1), углы также равны (2/3)» — пишет И. Шевелёв в книге «Золотое сечение» (1990 г.).

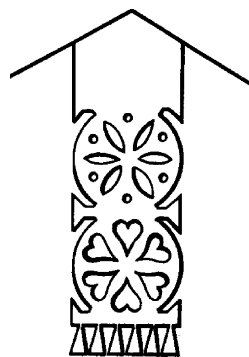
Громовой знак в явном виде содержит центральную точку — зародыш всего сущего и её развитие — колесо. Имеется связь между громовым знаком и звездой Давида, она же печать Соломона. Эти знаки комплиментарны: в каждом присутствует только то, что отсутствует в другом. Одно и то же преобразование превращает «громовой знак» в звезду Давида (и наоборот): *соединение всех несоединённых* вершин треугольников. Напомним, что, по мнению древних греков, гармония — это **согласие несогласного, соединение несоединённых** частей в единое целое. Поэтому данное преобразование можно назвать преобразованием по законам гармонии.

Громовой знак

Звезда Давида

«Полотенце»
под кровлей

Чесало

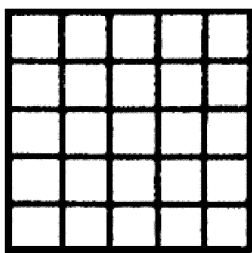
Изображение громового знака должно наделять любой предмет чудесными свойствами. Поэтому колесо Юпитера-Рода с шестью спицами вырезали на всех жизненно важных объектах, на матице в доме и на деревянном «полотенце» под охлупнем, на оружии и на орудиях труда, одежде, музыкальных инструментах. В грозу и бурю солнечные символы, называемые в народе громовыми знаками («от грому»), должны **спасти** от удара молнии, пожара, т. к. они выражают идею ясного дня, безоблачного неба. Чесало без громового знака будет рвать нитку, а гусли — фальшивить. Причина долговечности древних орнаментальных форм состоит в том, что забота о безопасности, благе, прочности, долговечности, составлявшая их первичную сущность, перерастала в категорию эстетическую.

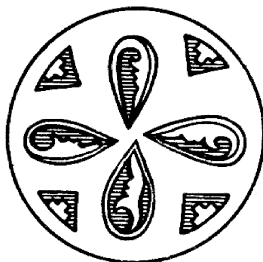
Громовой знак (колесо Юпитера-Рода с шестью спицами) одновременно является солнцем, деревом жизни, топором — символом Перуна и молотом скандинавского бога грома Тора — Мльойниром, название которого созвучно с русским словом молния. Главный грозовой день в году 20 июля (2 августа) — день Перуна или архаического Рода (позднее — Ильин день). В этот день совершались сакральные кулачные бои. Громовой знак изображался на праздничных рубахах и снаряжении воинов: мечах, щитах, шлемах, поясах, рубахах.

Изображения природных объектов чаще всего имеют закруглённую, плавно меняющуюся форму. Изображения человеческих объектов, например вспаханного поля нередко имеют четырёхугольную (квадратную) форму. Крест проник и в науку — декартова система координат — самая распространённая в науке.

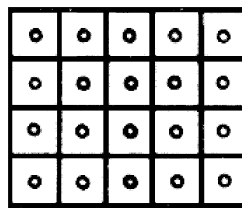
Громовой знак по количеству граней (углов или лучей-лепестков) является чем-то средним между природными и человеческими объектами — он некая пограничная область, принадлежащая сразу двум мирам. Не всегда количество лепестков-лучей в громовом знаке шесть. Иногда бывает и четыре, и восемь, и больше.

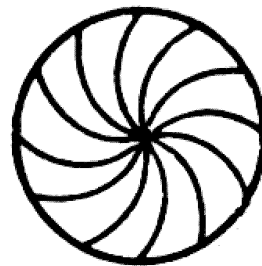
Вспаханное поле

Семена

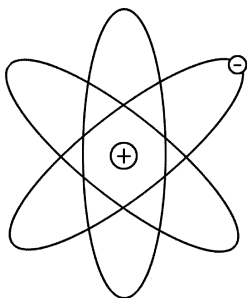
Засеянное поле

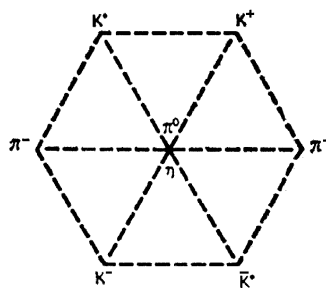
Белый свет

Знаки с лепестками дугообразной формы, загнутые в одну сторону, иногда называют свастиками. В сознании современников они прочно срослись с фашисткой символикой. Но знак этот на тысячелетия древнее фашистской свастики, которая, кстати, является символом заходящего солнца. Т. к. солнце всходит на востоке, то, может быть, слово свастика означает — с востока — по скелету согласных — с-в-с-т-к угадывается славянское происхождение. Во время Великой Отечественной войны во многих советских этнографических музеях их работники прятали в хранилища, а иногда и уничтожали древнейшие экспонаты со свастиками: жернова, прятки, гусли, кружева и т. д.

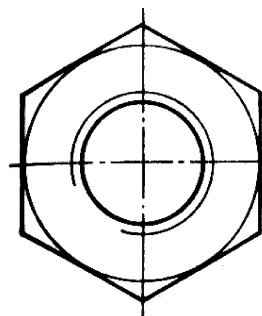
Громовой знак с шестью лепестками (гранями) оказался столь устойчивым, что входит в современные символы, гербы, схемы, базовые технические узлы, украшения, узоры.

Символ атома

Мезонный октет

Гайка

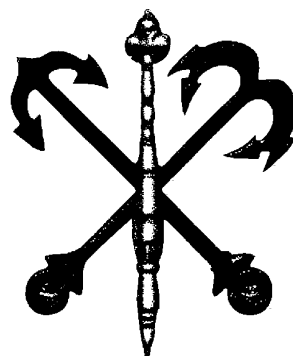

Одним из символов нашего времени является символ атома, имеющий форму громового знака. Интересно, что мезонные и барионные октеты, описывающие законы сохранения (законы симметрии) в мире элементарных частиц, действительно имеют структуру громового знака. В органической химии одна из основных структур — бензольное кольцо из шести элементов. Почти все изделия из нефтепродуктов содержат его. Современная техника немыслима без гайки, так же, как правило, имеющей форму громового знака. Гайки четырёхугольной или восьмиугольной формы непрактичны. Четырёхгранные гайки неудобно центровать, а восьмигранные слишком «круглые».

Герб России

Герб Санкт-Петербурга

Герб Санкт-Петербурга в явном виде, а герб России в несколько завуалированном, имеют форму громового знака. Орнамент шестиугольной или шестилучевой формы — один из самых распространённых, самых любимых не только художниками, но и «технарями», и даже спортсменами. Орнамент в виде громового знака очень часто встречается на дисках колёс автомобилей, на колёсиках детских колясок и сумок-тележек, на отверстиях для прохода воздуха в лифтах, в оградах и решётках, рисунках на тканях и обоях. Даже сетка на футбольных воротах имеет шестиугольные ячейки.

Ограда крестьянского жилища и противотанковый ёж, имеющие объёмное строение и форму громового знака, предназначены для одного и того же — *защиты пространства*. Для *защиты* стёкол в окнах от взрывной волны их заклеивают бумагой. Чаше всего рисунок заклейки образует форму громового знака.

Круговой бой — шесть против одного в исполнении бойцов из Санкт-Петербурга

Опыт проведения учебных круговых боев показал, что наиболее предпочтительное число их участников — семь — один в центре и шесть образуют «круг». Это своеобразная боевая «семья», в которой действуют многие законы организации настоящей

семьи. По своей структуре такой «круг» наиболее близок к громовому знаку. Участники «окружения» не мешают друг другу, и поэтому могут биться максимально эффективно, сводя к минимуму травмы. Уменьшение числа участников облегчает задачу бойца в кругу — делает круг «дырявым», легко пробиваемым и не способствует запуску и использованию чисто «круговых» принципов кулачного боя. От «круга» из трёх-четырёх человек можно отбиться, имея преимущество в технике и сводя весь бой к микропоединкам с каждым из участников. Такой «круг» ещё не является единым целым. «Круг» из шести человек имеет тенденцию действовать по законам единого целого, по законам соединения несоединённого, т. е. по законам гармонии. И совершенство бойца, находящегося в центре, и взаимодействие бойцов «круга» определяют степень приближения к гармонии. Каждый из участников окружения имеет достаточно большой (60°) сектор атаки, что позволяет ему действовать и индивидуально, используя весь арсенал кулачного боя, и коллективно, учитывая действия остальных участников. Увеличение числа участников не позволяет всем одинаково включиться в бой — бойцы мешают друг другу и эффекта единого целого не возникает.

Получается, что с помощью и сакральных знаков и узоров в соответствии с законами «золотого сечения» ведётся борьба за жизнь и в быту, и в кулачном бою, и при борьбе с инфекцией, и при работе сердца, в дыхании. «Золотое сечение» и сакральные знаки являются важной для жизни формой организации пространства, времени и процессов.

Русский кулачный бой является одной из культурных форм ведения борьбы за жизнь, поэтому «золотое сечение» и сакральные знаки проявляются в его движениях и пространственных структурах. Золотое сечение — это инвариант традиционной пластики, именно относительно него осуществляется построение всех пространственно-временных симметрий.

